

Гг. ПОГОДИНЫ И ГАЗЕТА «ЖИЗНЬ».

В 1883 году, на горизонтъ Московской прессы появились новые издатели. Это были: Дмитрій Михайловичъ Погодинъ, сынъ извѣстнаго профессора, историка и славяниста Михаила Петровича Погодина, и жена его Елисавета Ивановна. Имъ разрѣшено было издавать «Московскую Газету». Новые глашатаи истины имѣли хорошія связи въ свѣтѣ, были извѣстны по отцу въ ученомъ и литературномъ мірѣ, и сами по себѣ считались людьми хорошими, добрыми и честными. Но всего этого для изданія ежедневной газеты, изданія новаго, которому нужно было проложить дорогу и создать реномэ для существованія, — оказывалось недостаточнымъ. Дмитрій Михайловичъ, лично, какъ писатель, никакими трудами извѣстенъ не былъ. Онъ служилъ по судебному вѣдомству, состоялъ нѣкоторое время судебнымъ слѣдователемъ въ провинціи, но болѣзнь и другія обстоятельства заставили его оставить службу и обратиться къ занятіямъ, болѣе мирнымъ и покойнымъ. Право изданія «Московской Газеты», какъ говорила сама Елисавета Ивановна Погодина, даровано было имъ, благодаря особой внимательности къ ихъ положенію бывшаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого, который считалъ Михаила Петровича Погодина своимъ учителемъ и, относясь съ уваженіемъ къ его достоправной и полезной дѣятельности, хотѣлъ сдѣлать что-нибудь въ пользу его дѣтей.

«Московская Газета» нѣкоторое время выходила въ свѣтъ, но успѣха не имѣла и вскорости зачахла. Издатели положили въ нее довольно порядочныя средства, но безъ поддержки общества суще-

ствовать не могли и газета съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хирѣла и кое-какъ влачила свое существованіе.

А. В. Кругловъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1894 года № 4, говоритъ, что дѣла газеты шли настолько дурно, что издатель рассчитывался съ сотрудниками «натурою». Онъ привелъ, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ.

Приходитъ нѣкто въ редакцію «Московской Газеты» и проситъ у издателя денегъ.

Издатель руками замахалъ.

— Не могу, ничего нѣтъ. Подождите дня три.

— Нельзя ждать! рѣшительно отвѣчаетъ литераторъ.

— Да что такое?—спрашиваетъ издатель:—на что вамъ такъ понадобилось сегодня?

— Брюкъ—отвѣчаетъ сотрудникъ,—нѣтъ у меня.

— Какъ такъ? изумился издатель, вѣдь вы уже въ брюкахъ?

— Да, говоритъ, въ брюкахъ-то, въ брюкахъ, только никакъ наклониться нельзя, потому-что...

Захоталъ было издатель, потомъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ, замолкъ и началъ разсматривать сотрудника, мѣряя его глазами съ ногъ до головы.

— Голубчикъ! воскликнулъ онъ весело, да мы съ вами одного роста.

— Ну, одного, отвѣчаетъ тотъ,—что-же изъ этого?

— Голубчикъ, возьмите мои брюки, я только-что третьяго дня купилъ, совсѣмъ новенькіе.

Сотрудникъ невольно смутился, но издатель сталъ его успокаивать.

— Какъ-же вы сами-то безъ брюкъ? озабоченно спросилъ сотрудникъ,

— Голубчикъ, ничего, у меня дома есть другіе.

— Да, но теперъ-то какъ-же?

— Ничего, я въ крылаткѣ, невидать. Надѣвайте, примѣривайте, только-бы въ пору, а обо мнѣ не беспокойтесь.

Издатель живо раздѣлся, сотрудникъ тоже и... о восторгъ! брюки пришлись какъ разъ въ пору.

Въ ту самую минуту, какъ издатель хлопалъ по плечу сотрудника, выхваляя свои брюки съ ловкостью апраксинца, вошелъ секретарь и доложилъ, что издателя спрашиваетъ кака-то дама.

— Ахъ, ахъ, сейчасъ!

И полетѣлъ было за секретаремъ въ модномъ пиджакѣ... безъ брюкъ; но сотрудникъ остановилъ его. Тогда онъ надѣлъ на себя крылатку и вышелъ для объясненій.

Разсказъ этотъ могъ-бы характеризовать самымъ нагляднымъ образомъ положеніе редакціи, если-бы былъ переданъ точно. Но одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ этой газеты, на глазахъ котораго описанный г. Кругловымъ фактъ совершился, именно А. Н. Сальниковъ, говорилъ мнѣ, что дѣло было нѣсколько иначе.

А. П. Бочаровъ, человѣкъ очень бѣдный, жившій постоянно въ Петровскомъ-Разумовскомъ и приходившій оттуда для занятій въ редакцію пѣшкомъ, дня за два до своихъ именинъ, обратился къ издателю съ просьбой дать ему въ счетъ заработка авансомъ нѣсколько рублей. Издатель отказалъ, отговариваясь, что денегъ въ кассѣ нѣтъ. Но сотрудникъ не унылъ, онъ сталъ доказывать, что можно пробиваться кое-какъ въ обыкновенные дни. Но когда человѣкъ именинникъ, то онъ долженъ сѣсть хотя кусокъ пирога. Издатель нашелъ его доводы основательными и, желая помочь ему, пригласилъ его къ себѣ на квартиру, гдѣ и далъ ему, вмѣсто денегъ, свои новые панталоны, съ тѣмъ, чтобы онъ заложилъ ихъ и справилъ свои именины.

Въ подтвержденіе достовѣрности сказаннаго, А. Н. Сальниковъ сослался на секретаря редакціи А. М. Пазухина и сотрудниковъ Марко Ярона и М. Л. Вернера, при этомъ находившихся.

Во всякомъ случаѣ было-ли дѣло такъ или иначе, фактъ расплаты редакціи со своими сотрудниками «натурою» вѣренъ. Онъ вполне характеристично обрисовываетъ положеніе, въ которомъ находились издатели въ началѣ второй половины 1884 года. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что газета продержалась недолго. Въ Августѣ мѣсяцъ изданіе ея было прекращено.

Но эта неудача не обезкуражила предприимчивыхъ издателей. Пользуясь всесильнымъ покровительствомъ графа Д. А. Толстого, 30 декабря того-же года они получили разрѣшеніе издавать въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, ежедневную газету «Жизнь». Издательницей была утверждена Елисавета Ивановна Погодина, а редакторомъ Дмитрій Михайловичъ Погодинъ.

Такъ стояло дѣло по официальнымъ источникамъ. Въ сущности-же оно имѣло иную обстановку. Инициатива изданія газеты «Жизнь» принадлежала не Погодинымъ, но извѣстному московскому адвокату

Федору Никифоровичу Плевако. Онъ находился тогда въ зенитѣ своей славы, но лавры защитника на судѣ обездоленныхъ и угнетенныхъ судьбою его не удовлетворяли, ему хотѣлось стяжать еще славу публициста, и для этого ему нужна была газета, которая-бы его поддерживала и рекламировала. Онъ условился съ Погодиными вести изданіе на свой страхъ, а они должны были числиться отвѣтственными издательницей и редакторомъ.

Кому не извѣстна та бойкая, хлесткая и остроумная передовица «Жизни», въ которой Федоръ Никифоровичъ предначерталъ программу дѣятельности газеты. Но «увы» одной программы для оживленія «Жизни» оказалось недостаточно: газета требуетъ ежедневной усидчивой и кропотливой работы, а знаменитый адвокатъ не могъ посвящать ей столько времени, сколько для успѣха изданія газетъ было нужно. Надежды на то, что публика, увидя во главѣ изданія знаменитаго юриста и краснорѣчиваго оратора, бросится на подписку и дастъ средства поставить изданіе на широкую ногу,—не оправдались: москвичи, помня пословицу, что не все то золото, что блеститъ, поостереглись, подписки не поддержали и «Жизнь» събла... Федоръ Никифоровичъ понялъ, что дѣло проиграно и сталъ относиться къ газетѣ апатично. «Жизнь» очутилась въ рукахъ людей, не заботившихся «объ утрѣ», и нумера ея выходили одинъ другого безцвѣтнѣй и пустѣй. При такомъ положеніи дѣла, вполне естественно, что газета не могла держаться и 21 марта 1885 года выходъ ея въ свѣтъ былъ приостановленъ.¹⁾

Узнавъ объ этомъ, 30 марта я послалъ письмо Е. И. Погодиной съ предложеніемъ продать мнѣ право изданія газеты «Жизнь», и

¹⁾ Память о знаменитой передовицѣ и приостановкѣ газеты сохранена мною потомству въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Крушеніе «Жизни».

«Жизнь» разбита, словно съ полки
Полетѣвшій внизъ горшокъ,
Самъ, Плевако, магъ, осколки
Подобрать ея не могъ.
А давольно ея программы
Онъ съ ампломбомъ предъявлялъ,
Какъ герой серьезной драмы,
«Мы не мыслимъ—намъ вѣщаль:--

если она будетъ на то согласна, то опредѣлить условія, на которыхъ продажа можетъ состояться. Она отвѣчала, что передать право согласна, но для опредѣленія условій приглашала меня пріѣхать въ Москву. Я тотчасъ собрался и отправился. 5 апрѣля я пріѣхалъ въ Москву, остановился въ Кокоревской гостиницѣ и

Нашей жизни—безъ кумира,
Человѣка безъ рубля,
Дворянина—безъ мундира,
Парохода—безъ руля,
Государства—безъ границы,
Власти грозной—безъ кнута,
Молодца—безъ молодежи,
И могилы—безъ креста.
Мы не мыслимъ: дня—безъ пяди,
Ночи долгой—безъ игры,
Сапоговъ—безъ голенищей
И кармана—безъ дыры,
Гражданина—безъ закона,
Адвоката—безъ рѣчей,
Ассигновки—безъ талова,
Женщинъ милыхъ—безъ сѣтей.
Мы не мыслимъ: школъ—безъ палки,
Деревень—безъ кабака,
Сялача-купца—безъ свалки,
Мужичка—безъ синяка,
Жизни вольной—безъ заботы,
Узъ супружества—безъ слезъ,
Знаній твердыхъ—безъ работы,
Счастья личнаго—безъ грезъ.
Мы не мыслимъ: игръ—безъ спору,
Дѣла—безъ приличныхъ средствъ,
Важной мудрости—безъ вздору,
Сплетни грязной—безъ сосѣдствъ.
Преступленія—безъ сыщиковъ,
Волн злой—безъ баловства,
И газеты—безъ подписчиковъ,
И суда—безъ удалства!...»
И съ такой программой дивной,
«Жизнь» разбита какъ горшокъ:
И поетъ шефъ экспансивно:
«Чиберики чокъ! чокъ! чокъ!»

Апрѣль, 1885.

въ тоже утро отправился къ Погоднымъ. Они жили тогда на Софійской набережной близъ Каменнаго моста. Дома я ихъ не засталъ, но прислуга сказала, что Елизавета Ивановна пошла къ обѣдни въ Кремль, и скоро возвратится домой. Я оставилъ карточку, сказалъ, что приѣду черезъ часъ, и отправился въ храмъ Христа Спасителя.

Возвратясь, я засталъ Елизавету Ивановну дома. Она только что вернулась отъ обѣдни и располагалась приступить къ чаепитію. Это была барыня уже въ лѣтахъ, съ просѣдью въ волосахъ, строгимъ пронизательнымъ взглядомъ, властными манерами и жолчной рѣзкой рѣчью. Она одѣта была очень просто, даже бѣдно. Двѣ первыхъ комнаты квартиры, гдѣ она приняла меня, полузавѣшанныя спущенными портъерами и занавѣсками были темны и сумрачны. Вся ихъ мебель: столы, стулья, этажерки, проходы между мебелью и подоконники были завалены и заставлены множествомъ портретовъ и картинъ всевозможной величины, въ рамахъ, рамкахъ и рамочкахъ и даже просто въ сверткахъ. Чай былъ приготовленъ на уголкѣ одного изъ столовъ, заставленнымъ посудой, корзинками и бѣльемъ, покрытымъ толстымъ слоемъ пыли.

Елизавета Ивановна, замѣтивъ мое изумленіе, поздоровавшись со мной, поспѣшила пояснить, что у нихъ такой страшный беспорядокъ потому, что Дмитрій Михайловичъ перевезъ на квартиру картинную галерею и нѣкоторыя вещи изъ отцовскаго, знаменитаго въ свое время «древлехранилища», которыя онъ предназначилъ къ продажѣ и частію уже, кажется, распродалъ. Я выразилъ сожалѣніе, что такіа замѣчательныя вещи приходится продавать, и эта гордая, свѣтская дама моментально превратилась въ простую мѣщанку плакальщицу. Пригласивъ меня выпить съ нею чашку чаю, она стала изливать предо мной свое горе и жалобы на людей, на судьбу и на сложившіяся дурно обстоятельства. Про мужа она сказала, что онъ человѣкъ добрый, но больной и къ дѣлу неспособный. На издателя Плевако жаловалась, что онъ собралъ подписку, истратилъ ее въ теченіе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ и отъ дальнѣйшаго выпуска газеты отказался. Сотрудниковъ упрекала въ вымогательствѣ денегъ, денегъ и только денегъ. Москвой была недовольна за ея несочувствіе къ газетѣ и неуваженіе къ памяти М. П. Погодина.

— Сколько у васъ подписчиковъ? Спросилъ я разгоревавшуюся издательницу.

— Положительно я вамъ сказать не могу, всѣ счета находятся

у Ѳедора Никифоровича, но мужъ говорилъ, что подписка небольшая, человекъ тысяча, а можетъ быть даже нѣтъ и тысячи.

Слово - за-слово, мы перешли къ обсужденію условій передачи права изданія газеты въ мою собственность. Относительно матеріальнаго положенія газеты, издательница отозвалась полнымъ незнаніемъ, и просила меня переговорить объ этомъ съ Ѳ. Н. Плевако, который вѣдаетъ всей хозяйственной частью изданія. На вопросъ мой: не встрѣтится ли какихъ-либо препятствій со стороны г. Плевако къ передачѣ мнѣ газеты, она сказала, что Ѳедоръ Никифоровичъ будетъ очень радъ развязаться съ изданіемъ, такъ какъ оно ему стало хуже горькой рѣдьки. Что же касается расчетовъ по подпискѣ, то объ этомъ слѣдуетъ съ нимъ переговорить прежде, чѣмъ мы окончимъ сдѣлку. Изъ дальнѣйшихъ объясненій я узналъ, что Ѳедоръ Никифоровичъ принялъ на себя всѣ расходы по изданію газеты, обязавшись выдавать Дмитрію Михайловичу Погодину, какъ редактору газеты, по 50 р. въ мѣсяцъ, и кромѣ того платить издательницѣ извѣстную сумму за право изданія. Примѣняясь къ существующему порядку изданія, я предложилъ Елизаветѣ Ивановнѣ передать мнѣ газету на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ арендуетъ ее Ѳедоръ Никифоровичъ. Но она отозвалась, что предпочитаетъ продать изданіе, такъ какъ какую бы сумму она ни получила, все же это будетъ нѣкоторая сумма, а теперь она имѣетъ однѣ непріятности и рискуетъ потерять изданіе, ничего не получа за него.

Перейдя на почву продажи изданія, мы остановились на слѣдующихъ условіяхъ: я плачу г-жѣ Погодиной тысячу рублей за передачу мнѣ права изданія и обязуюсь удовлетворить всѣхъ подписчиковъ газеты со дня ея пріостановки по день окончанія подписки. Д. М. Погодинъ долженъ остаться отвѣтственнымъ редакторомъ газеты на тѣхъ же условіяхъ, какія существуютъ въ данное время. Полученныя отъ подписчиковъ деньги поступаютъ по расчету: со дня подписки по день пріостановки газеты—въ пользу г. Плевако, а со дня пріостановки по день окончанія подписки—передаются мнѣ за все число подписчиковъ, которое окажется по книгамъ конторы. Обстановка редакціи и конторы пріобрѣтаются мною по особому соглашенію съ г. Плевако, которому должны быть возвращены и всѣ расходы, сдѣланные для будущаго изданія газеты.

Елизавета Ивановна была очень рада, найдя благопріятный выходъ изъ тяготившаго ее положенія издательницы безъ изданія,

и я тутъ же набросалъ на клочкѣ бумаги основные пункты условія. Когда мы ихъ прочитывали и дополняли двумя-тремя оговорками, вернулся домой и Дмитрій Михайловичъ. Это, какъ оказалось впоследствии, былъ простой и очень симпатичный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, успѣвшій пожить и развѣтвиться до индифферентности ко всему. Онъ отнесся очень холодно къ условіямъ передачи газеты, какъ будто дѣло это его не касалось. Но когда Елизавета Ивановна заявила, что нужно сейчасъ же сходить въ контору сахарозаводчика Харитоненко, находившуюся по сосѣдству, и тамъ спросить по телефону Ѳедора Никифоровича: когда его можно видѣть?—онъ тотчасъ отправился, и чрезъ нѣсколько времени вернулся и сказалъ, что Плевако можетъ принять насъ завтра утромъ до 12 часовъ.

Я поднялся. Лавируя между загромаждавшими квартиру картинами, я не утерпѣлъ, чтобы не спросить Дмитрія Михайловича: «что это такое?».

— Это — картины и другія вещи изъ вашего древлехранилища,—отвѣчалъ совершенно равнодушно сынъ человѣка, положившаго въ это древлехранилище душу свою,—я перевезъ ихъ сюда, имѣя въ виду продать, да разобраться вотъ никакъ не можемъ: она—и Дмитрій Михайловичъ кивнулъ головою на жену,—ничего не хочетъ дѣлать, прислуга ничего не знаетъ, а мнѣ некогда...

— Нѣтъ, нѣтъ!—перебила мужа Елизавета Ивановна:—онъ неправду говоритъ: это онъ ничего не хочетъ дѣлать, а мнѣ некогда...

— Нельзя ли полюбоваться на сокровища вашего древлехранилища? спросилъ я почтеннаго хозяина.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Дмитрій Михайловичъ:—но какъ это сдѣлать?.. вѣдь это—хаосъ...

— Я подыалъ одинъ изъ близъ стоявшихъ портретовъ какого-то духовнаго лица, но онъ былъ покрытъ такимъ густымъ слоемъ пыли, что невозможно было опредѣлить: что это за лицо.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше оставьте до слѣдующаго раза, засуетился предупредительный хозяинъ, я уже распоряжусь, чтобы все это привели въ порядокъ. А если хотите ознакомиться съ назначаемыми мною въ продажу картинами, я вамъ дамъ опись. И онъ вынесъ мнѣ изъ слѣдующей комнаты листъ бумаги; на которой значились №№ и фамиліи лицъ, чьи были портреты. Противу нѣкоторыхъ портретовъ, какъ напр: А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, кн. П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, гр. Е. П. Ростопчиной

и др. была сдѣлана отмѣтка: «Всѣ эти портреты писаны по заказу графа С. С. Уварова, въ хорошихъ рамахъ, золоченыхъ, отличной работы, по 150 р. за экземпляръ». Противу же другихъ никакихъ отмѣтокъ не было.

— Не знаете ли вы—спросилъ я Дмитрія Михайловича:—какихъ мастеровъ и когда написаны всѣ эти портреты? А также подлинники это или копіи?

— Я, право, не знаю, отвѣчалъ онъ, какъ бы сконфузясь такимъ вопросомъ, да и никакихъ свѣдѣній нѣтъ у насъ. Такъ, по памяти, могу сказать вамъ, со словъ отца, что портретъ партизана Давыдова работы академика Кеппена, портретъ Кулибина писанъ Веденевскимъ, а Новикова—Боровиковскимъ, а больше не припомню. Помню еще, отецъ говорилъ, что портретъ Шлецера—единственный экземпляръ, другой—въ академіи, что портретъ императора Петра III—тоже рѣдкій, но чьей работы,—сказать не могу...

— Но какъ же вы будете продавать, не зная, что вы продаете? Вѣдь вы можете продешевить, продать за безцѣнокъ.

— Не мало у насъ вещей пошло уже за безцѣнокъ:—отозвался съ какой-то равнодушною покорностью судьбѣ Дмитрій Михайловичъ—но что же дѣлать?...

— Какъ что дѣлать! пригласить экспертовъ, художниковъ, знатоковъ, разузнайте, оцѣните и тогда продавайте.

— Все это я знаю, меланхолически проговорилъ съ оттѣнкомъ досады владѣлецъ собранныхъ сокровищъ, но у насъ, въ Москвѣ, не такъ скоро это дѣлается... А намъ нужно скорѣе продать... ну, и продаемъ. Я нѣсколько портретовъ уже продалъ одному изъ мѣстныхъ дѣятелей въ провинціи, но какъ продалъ? почти даромъ отдалъ, но дѣлать нечего, надо продать—и продаешь...

— Вы ему не очень вѣрьте, поспѣшила вмѣшаться полошедшая къ намъ Елисавета Ивановна:—онъ ужасно увлекается, и она поспѣшила переменить разговоръ.

Условившись съ издательницею «Жизни» поѣхать наутро къ Ѳ. Н. Плевако вмѣстѣ, я откланялся и вышелъ.

Пообѣдавъ у знакомыхъ, часовъ въ 8 вечера, я вернулся къ себѣ, въ гостинницу, и только что успѣлъ разоблачиться, какъ въ дверь постучались и въ номеръ вошелъ Дмитрій Михайловичъ. Я, признаться, не ожидалъ его, въ умѣ быстро промелькнула мысль: «ужъ не съ отказомъ ли?» и я растерянно проговорилъ: «ахъ, это вы?»...

— Не удивляйтесь, пожалуйста, разсмѣлся гость,—это я къ

вамъ съ позднимъ визитомъ, до завтра отложить не хотѣлось, могъ бы не застать, такъ вотъ и пошелъ вечеркомъ, тѣмъ больше, что дѣла то дома не было.

— Ну, вотъ и отлично, садитесь, пожалуйста, отвѣчалъ я, горячо пожимая позднему визитеру руки,—будемъ пить чай...

— Что же, пожалуй,—будемъ пить и чай, отозвался гость, отчаю истые, родовитые, коренные москвичи никогда не отказываются.

Я позвонилъ прислугу и велѣлъ подать самоваръ со всѣми принадлежностями, по московскому обычаю. Все это тотчасъ же принесли, и мы усѣлись за чаепитіе.

— А знаете ли, Дмитрій Михайловичъ, обратился я къ гостю, я самъ тоже, какъ вы выразились, истый, родовитый, коренной москвичъ, родился и до поступленія въ службу жилъ въ Москвѣ. Вашего покойнаго батюшку зналъ еще въ сороковыхъ годахъ, когда вы проживали, по характерному простонародному выраженію, въ дѣвичихъ палестинахъ.

— Да, хорошее это было время—сороковые годы, какъ то меланхолично отвѣчалъ Дмитрій Михайловичъ, я былъ тогда еще ребенкомъ, но все помню... мы вращались тогда въ самомъ кипучемъ водоворотѣ московской жизни, все, что было лучшаго въ обществѣ, любило и ласкало отца. Графы и князья считали за честь пожать руку старика, а гг. Аксаковы, Павловъ, Хомяковъ, Шевыревъ, Щепкинъ, Садовскій, Ленскій, Живокини и сотни другихъ извѣстныхъ дѣятелей были какъ бы люди свои, всѣ бывали у насъ и дружили съ отцомъ. Что же касается Гоголя, Николай Васильевича, то онъ по возвращеніи изъ Италіи, долгое время жилъ у насъ... Вотъ подождите, кончимъ дѣло съ газетой, я поразкажу вамъ много интереснаго, если вы, конечно, интересуетесь старой московской жизнью.

— Еще бы не интересоваться московскою старою жизнью истому коренному москвичу!.. Я бы попросилъ васъ теперь же разсказать мнѣ что-нибудь... ну, хоть о Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ.

— Что же вамъ сказать о Гоголѣ? озабочился вдругъ Дмитрій Михайловичъ, впадая въ раздумье, о Гоголѣ я сказать многого не могу, потому что мы, т. е. я и сестра моя, были тогда еще дѣтьми, и понимать его, какъ слѣдуетъ, не могли.

— Ну, разскажите, напримѣръ, какъ онъ проводилъ время? чѣмъ занимался? что любилъ? какъ обращался съ вами, съ вашимъ отцомъ, со знакомыми? вообще, что вы объ немъ помните?

— Николай Васильевичъ жилъ у насъ въ старомъ домѣ на

Дѣвичьемъ полѣ, въ мезонинѣ, надъ нами. Это была большая, свѣтлая, съ двумя окнами и балкономъ, комната, съ самой простой домашней обстановкой, состоявшей изъ кровати, комода и нѣсколькихъ стульевъ и стола... Здѣсь онъ, когда былъ дома,—а выходилъ изъ дому онъ рѣдко,—проводилъ все время до обѣда, и послѣ обѣда часовъ до семи вечера. Отецъ мой, какъ извѣстно, чуть не боготворилъ его, ему была предоставлена полная свобода дѣйствій, и онъ цѣнилъ это и былъ очень доволенъ. Разъ даже разчувствовался до того, что сталъ благодарить отца, говоря: «Спасибо тебѣ, спасибо за все, большое спасибо!»... и тутъ же, улыбнувшись, прибавилъ: «да вознаградить тебя за все это—исторія!»... Мы съ сестрой частенько заходили къ нему по утрамъ и оставались у него подолгу. Онъ не стѣснялся нами, оставляя насъ сидѣть у него, только приказывалъ: «сидѣть смирно и не баловать». Мы и сидѣли—какъ будто насъ въ комнатѣ и не было. Это ему нравилось, онъ подходилъ къ намъ и гладилъ по головкамъ, раздобрившись говорилъ: «ну, поиграйте, дѣти!» и мы начинали рѣзвиться и шалить. Вообще въ домашней жизни, это былъ человѣкъ простой, добрый и снисходительный, но при всемъ томъ не чуждъ странности и эксцентричности: то онъ бывало ласкаетъ насъ и смѣется съ нами, то вдругъ надуется, нахмурится и тогда сиди и не дыши: не то возьметъ за ухо и выведетъ вонъ изъ комнаты. По утрамъ онъ не одѣвался, сидѣлъ до обѣда въ домашнемъ костюмѣ, т. е. просто въ сорочкѣ, съ налѣтой поверхъ шерстяной курткой. Куртку эту онъ носилъ даже лѣтомъ, не смотря на жаркую погоду. Вернувшись изъ Италіи, онъ сталъ слишкомъ чутокъ къ сѣвернымъ вѣтрамъ и утренней прохладѣ. Писалъ онъ, по крайней мѣрѣ, по утрамъ, когда мы у него бывали, (послѣ обѣда же онъ никого къ себѣ не допускалъ) очень мало. На столѣ у него мы никогда не видали такой груды всевозможныхъ бумагъ, какая лежала у отца въ кабинетѣ. Даже книгъ у него на виду было мало; свои рукописи и книги онъ берегъ подъ замкомъ, и вообще не любилъ, если прислуга, приходившая убирать его комнату, переворачивала или переставляла что-нибудь изъ его вещей, находившихся на столѣ или на комодѣ. Странно было видѣть, намъ, дѣтямъ, что гениальный русскій писатель, какимъ считали у насъ въ домѣ Гоголя, могъ, проводить за вязаньемъ по цѣлымъ утрамъ на спицахъ разныхъ шерстяныхъ вещицъ, какъ то: ермолокъ, шарфиковъ и другихъ бездѣлушекъ, или же за вырѣзываньемъ изъ дре-

весныхъ сучьевъ дудочекъ. У меня долго хранилась подаренная имъ мнѣ дудочка, но когда я однажды попросилъ его связать мнѣ шерстяные чулки, онъ разсердился и надралъ мнѣ уши. Писалъ онъ иногда и при насъ, но какъ-то урывками: сидитъ подъ окномъ вяжетъ или строгаютъ, и передъ нимъ лежитъ клочекъ бумаги и карандашъ. Если ему придетъ въ голову что-нибудь, возьметъ карандашъ и запишетъ, и опять примется за вязанье или строганье. Записанную мысль онъ иногда репетировалъ въ полголоса и исправлялъ. По простествіи нѣкотораго времени, онъ бралъ въ руки исписанный клочекъ бумаги, прочитывалъ его, и если оставался имъ недоволенъ, рвалъ его въ клочки и бросалъ на полъ, а со стола бралъ другой клочекъ и продолжалъ писать на немъ. Если же и это писанье не удовлетворяло его, то онъ поступалъ съ нимъ такъ же, какъ и съ первымъ, и пристуналъ къ третьему. Такимъ образомъ на полу рванныхъ клочковъ набиралось немало, и ихъ прислуга, по уходѣ Гоголя изъ комнаты, выметала. Но случалось и такъ, что нѣкоторые записанные прежде мысли вновь интересовали его, и онъ приказывалъ намъ подбирать брошенные на полъ изорванные клочки бумажекъ и составлять ихъ по написанному. Если попытка удавалась, то онъ хвалилъ насъ, гладилъ по головкамъ и общалъ кунить гостинцевъ, чего, вѣроятно, по забывчивости, никогда почти не дѣлалъ. Послѣ полудня, онъ одѣвался и и сходилъ внизъ, заходилъ къ отцу, когда тотъ былъ дома и никого постороннихъ у него въ кабинетѣ не было. Въ противномъ же случаѣ уходилъ гулять въ садъ, который былъ у насъ очень большой, — десятины четыре, если не болѣе. Хорошая погода производила на него всегда хорошее впечатлѣніе, онъ дѣлался веселъ и шутиливъ. Но онъ былъ веселъ и шутиливъ только въ своемъ домашнемъ кружкѣ. Если же присутствовалъ кто-нибудь чужой или незнакомый, онъ, какъ улитка, уходилъ въ самого себя и не обнаруживалъ никакой жизни, какъ будто все окружающее было ему чуждо, онъ молчалъ или отвѣчалъ односложнымъ *да* или *нѣтъ*. Поѣсть любилъ гастрономично, хотя бы и немного. Малороссійской кухнѣ отдавалъ предпочтеніе. Но, пристрастясь въ Италіи къ макаронамъ, любилъ ихъ кушать и даже приготавливалъ ихъ за столомъ собственноручно, по вывезенному имъ изъ Рима особенному способу. Было ли это лучше—я не знаю; но только всѣ ѣли и похваливали. Въ антрактахъ, между переѣмами блюдъ, онъ любилъ выламывать изъ хлѣба мякшишъ и катать изъ

него шарикъ, которые или бросалъ въ кого-нибудь изъ сидящихъ за столомъ, преимущественно младшихъ членовъ семьи, или опускалъ въ стаканъ, или же оставлялъ у себя за приборомъ. Послѣ обѣда отецъ самъ собиралъ оставленные за приборомъ шарики и хранилъ, какъ какую-нибудь святыню, въ особомъ ящикѣ, въ одномъ изъ шкафовъ своего кабинета. Такихъ шариковъ собрано было 126, которые долго хранились, но куда потомъ дѣлись—уже не помню. Послѣ обѣда Николай Васильевичъ тотчасъ уходилъ въ свою комнату и запирался въ ней. Что онъ тамъ дѣлалъ, работалъ или спалъ—я не знаю, такъ какъ намъ строго было приказано: въ это время его отнюдь не беспокоить. Къ 7-ми часамъ вечера онъ сходилъ внизъ и гулялъ у насъ въ саду, а если погода неблагоприятствовала, то начиналъ ходить взадъ и впередъ по всей амфиладѣ комнатъ. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ туда и сюда, онъ подходилъ къ столу и выпивалъ стаканъ холодной воды. Находясь до-сыта, отправлялся въ кабинетъ, гдѣ отецъ обыкновенно въ это время работалъ, и усаживался въ креслахъ. Если постороннихъ никого не было, сидѣлъ долго—часъ и больше, но ничего съ отцомъ не говорилъ. Однажды онъ вошелъ въ кабинетъ и опустился въ кресла, не снявъ съ головы шляпы. Старикъ покосился на него, и, не оставляя работы, спросилъ шутливо:

— Ну, что находился?

— Я то находился, а ты-то вотъ—написался ли? отвѣчалъ Гоголь.

— Да ты что-же шляпы то не снимаешь съ головы? перемѣнилъ вдругъ тему разговора отецъ.

— Передъ кѣмъ это? Передъ твоей исторіей что ли? съиронизировалъ Николай Васильевичъ.

— Передъ исторіей—не передъ исторіей, а передъ образами, отвѣтилъ старикъ.

— Передъ образами я всегда сниму, отвѣчалъ уклончиво Гоголь, а вотъ передъ твоей исторіей—навѣрное ужъ не снялъ бы, потому что вся твоя исторія—ничто иное, какъ легенда или просто басня....

— Ну, ну, братъ, заврался! перебилъ его отецъ и медленно поднявшись съ мѣста, подошелъ къ нему, снялъ съ него шляпу и положилъ ее передъ нимъ, на столъ. «Вотъ такъ-то будетъ лучше!» проговорилъ онъ кротко, отошелъ къ своему столу и молча принялся за работу. Гоголь посидѣлъ послѣ того недолго и молча вышелъ

Но это не было размовкой между ними. Это было однимъ изъ характеристичныхъ мгновенныхъ вспышекъ каприза духа великаго писателя. Нервная чуткость и моментальная вспыльчивость его были поразительны. На мой взглядъ онъ уподоблялся тогда мимозѣ, которая при первомъ прикосновеніи къ ней свертывается и уходитъ въ самое себя. Когда къ намъ по вечерамъ пріѣзжали гости, (а любопытныхъ посмотрѣть на автора «Мертвыхъ душъ», или поговорить съ нимъ было не мало), Николай Васильевичъ забивался куда-нибудь въ уголь, нахмурился и говорилъ очень мало, приставаній съ участіемъ и предложеній услугъ не любилъ, вмѣсто отвѣтовъ, цѣдилъ сквозь зубы какія-то фразы и старался при первой возможности, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, уйти къ себѣ въ мезонинъ. Когда же собирался извѣстный небольшой кружокъ людей близкихъ, Гоголь какъ будто преображался, вся его мнительность и напускная мизантропія исчезала, и онъ становился веселъ и пріятель: разговаривалъ, шутилъ и смѣялся. Даже, я помню, раза два читалъ что то изъ своихъ новыхъ сочиненій. Ну, конечно, тогда у насъ былъ праздникъ, и отецъ, выходя изъ кабинета, потиралъ руки и говорилъ: «Ну, слава Богу! развеселился, наконецъ»... Вотъ все, что я въ настоящую минуту могу припомнить о жизни великаго писателя въ нашихъ, какъ вы выразились, дѣвичьихъ палестинахъ.

— А не было ли у Гоголя, во время проживанія въ вашемъ домѣ, какихъ-либо выдающихся случаевъ, скрашивающихъ или отягчающихъ порою жизнь?

— Право, я затрудняюсь разрѣшеніемъ подобнаго вопроса, отвѣчалъ уклончиво Дмитрій Михайловичъ, нужно припомнить, а съ разу какъ-то трудно.

— Ну, что-нибудь изъ первыхъ, пришедшихъ на память, случаевъ.

— Въ деньгахъ Николай Васильевичъ постоянно нуждался, такъ какъ продажа его сочиненій, шла не шибко. Сколько разъ онъ обѣщалъ мнѣ и сестрѣ привезти гостинцевъ, купить игрушекъ или книжекъ, но всякій разъ, когда мы напоминали ему объ его обѣщаніи, отговаривался неимѣніемъ денегъ: «подождите, дѣти,—убѣждалъ онъ насъ, глядя по головкамъ:—скоро разбогатѣю я, тогда всего накуплю вамъ». И дѣйствительно, однажды онъ привезъ намъ подарокъ, позвалъ насъ и, смѣясь, далъ какой-то свертокъ: «вате, сказалъ, снесите къ отцу и покажите!...» Отецъ развязалъ, по-

смотрѣлъ и спряталъ къ себѣ въ шкафъ. Что это былъ за подарокъ—я не знаю, только намъ строго на строго было приказано: никакихъ гостинцевъ у Николая Васильевича не просить. Мы заплакались и нѣсколько дней не были по утрамъ у него въ комнатѣ. Тогда онъ, при первой же поѣздкѣ въ городъ, купилъ мнѣ маленькое ружьецо, а сестрѣ—сѣтку для ловли бабочекъ, и на другой день утромъ пошелъ съ нами въ садъ, училъ меня стрѣлять, а съ сестрой бѣгалъ по лужкамъ за бабочками. Но это было только одинъ разъ, и больше мы его дозваться въ садъ для игры съ нами ни коммъ образомъ не могли.

— А случаетъ, имѣющихъ какое либо общественное значеніе не было?

— Были, какъ не быть,—непремѣнно были, но, повторю, всего-то сразу мнѣ не припомнить, —уклонялся отъ разсказа Дмитрій Михайловичъ,—Богъ дастъ будемъ встрѣчаться, тогда я кое-что припомню и сообщу вамъ. Впрочемъ, сегодня, pour la bonne bouche, я разскажу вамъ, какъ Николай Васильевичъ справлялъ у насъ въ домѣ свои именины, которые онъ праздновалъ на лѣтняго Николу, 9 Мая. У него въ Москвѣ, какъ извѣстно, было большое знакомство. Нѣкоторые дома своихъ знакомыхъ онъ посѣщалъ, хотя и не часто, но самъ, за весьма рѣдкими исключеніями, никого не принималъ. Если кому нужно было видѣть его,—пріѣзжали къ намъ, и у насъ съ нимъ видѣлись, у насъ, конечно, пили чай или обѣдали, но Гоголь, по скупости, или неимѣнію средствъ, никого ничѣмъ не угощалъ. Поэтому, въ день своихъ именинъ онъ считалъ долгомъ задать пиръ, по пословицѣ, на весь міръ, чтобы сугубо отплатить друзьямъ за ихъ постоянное радушіе. На именины приглашались всѣ, кто состоялъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Перечислять ихъ всѣхъ я не стану, да и не могу, потому что это было все московское ученое, литературное и художественное société того времени, въ лицѣ наиболѣе выдающихся его представителей, конечно, одного съ авторомъ «Мертвыхъ душъ» направленія или сочувствовавшихъ ему. Приготовленія къ этому пиру обыкновенно начинались за долго до пиршества. Главнѣйшею же заботой при этомъ для Николая Васильевича были меню обѣда и вина. Для составленія перваго онъ приглашалъ къ себѣ на совѣтъ нашего повара Семена, но имъ обыкновенно оставался не доволенъ, и ѣхалъ на совѣтъ къ повару англійскаго клуба Басанину, или къ повару купеческаго клуба Порфирию. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, меню

того или другого утверждалось, но готовить приглашался Порфирій, такъ какъ онъ умѣлъ стряпать всѣ малороссійскія яства и цѣны бралъ, противу Басанина, меньшія. Затѣмъ начинались хлопоты съ винами. Гоголь отправлялся къ виноторговцамъ, выбиралъ, прицѣнялся и соображалъ, но толку изъ этого не выходило. Отецъ мой, видя это, предлагалъ свои услуги, приказывалъ Дебре прислать нужное количество вина человѣкъ на шестьдесятъ, и дѣло устранивалось. Гоголь во все это, предшествовавшее пиршеству время находился въ сильномъ возбужденіи и постоянно волновался. Онъ составлялъ и дополнялъ списки приглашенныхъ лицъ, разсылалъ письма, записки, оповѣщенія, и заботился, чтобы всѣ близкіе къ нему люди получили приглашеніе и собрались именно къ обѣду—этому кульминаціонному пункту празднества. Онъ очень огорчался, когда узнавалъ, что тотъ или другой изъ его друзей, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не можетъ быть у него на именинахъ или же когда погода не особенно благопріятствовала предположенному имъ празднику. Тогда, казалось, онъ былъ мученикъ и въ домѣ не давалъ никому покоя. Отецъ, обращавшійся съ нимъ какъ съ ребенкомъ, всегда снисходительно и терпѣливо снисходилъ къ его капризамъ. Но слушая подобное нытье, выходилъ изъ себя, оставлялъ работу и серьезно начиналъ просить его: «Оставь ты меня, пожалуйста, въ покоѣ, вѣдь ты мѣшаешь мнѣ работать».

— Я вижу, восклицалъ обиженно Гоголь, что исторія тебѣ дороже меня!..

Тогда отецъ повертывался къ нему лицомъ, внимательно выслушивалъ всѣ его жалобы и заявленія и, разговоривъ и успокоивъ его, выправаживалъ изъ кабинета въ садъ или въ другія комнаты дома. Тамъ Николай Васильевичъ уже деспотствовалъ, приставая съ разными вопросами ко всѣмъ встрѣчавшимся ему, нашимъ домашнимъ и прислугѣ. Одного онъ допрашивалъ на счетъ тарелокъ, рюмокъ, ножей и салфетокъ; другого—о количествѣ пива и водки, потребномъ для кучеровъ и прислуги гостей, третьяго—о томъ, всѣли заправлены лампы и свѣчи. Мы, дѣти, тоже привлекались къ совѣту. Насъ онъ спрашивалъ: какія игры и гдѣ мы думаемъ устроить для другихъ дѣтей послѣ обѣда, серьезно обсуждалъ и оспаривалъ насъ, пока мы во всемъ не подчинялись его мнѣнію. Когда же наступалъ заветный день, онъ съ ранняго утра былъ уже на ногахъ. Принявъ обычные поздравленія, нашъ именинникъ шелъ по хозяйству, —осматривалъ, устраивалъ и суетился. Затѣмъ вы-

ходилъ въ садъ, смотрѣлъ на небо, повѣрялъ барометръ, вздыхалъ при появленіи каждой маленькой тучки и, всѣмъ надоѣвъ, усаживался въ кабинетѣ въ кресла и замолкалъ. Гости въ Москвѣ, по обыкновенію, собираются рано, кромѣ, конечно, корчащихъ изъ себя аристократію, которые желая выдѣлиться изъ толпы, пріѣзжаютъ не иначе, какъ передъ самымъ обѣдомъ. Поэтому въ день именинъ Николая Васильевича, наплывъ гостей начинался обыкновенно еще до полудня. (Я болѣе помню послѣдніе его именины). Одѣтый въ новую пару, веселый и довольный, именинникъ принималъ поздравленія въ кабинетѣ; затѣмъ онъ съ гостями выходилъ въ залу къ молебну, который совершалъ у насъ въ домѣ нашъ приходскій священникъ, отецъ Іоаннъ; послѣ молебствія всѣ шли къ завтраку, а вскорѣ начинался и самый обѣдъ. Обѣдали, впрочемъ, на два стола: одинъ накрывался въ большой липовой аллеѣ сада, за который сидились любители ранней весенней свѣжести и прохлады, а другой— въ столовой, гдѣ помѣщались люди болѣе солидныхъ лѣтъ, боявшіеся простуды, или прелестямъ весны недоувѣрявшіе. Гости собиралось человѣкъ 60 или 70 не менѣе. Фамилій ихъ всѣхъ я, конечно, припомнить не могу, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что трапезу съ именинникомъ раздѣляло большинство его друзей. Были С. Т. и К. С. Аксаковы, С. П. Шевыревъ, М. С. Щепкинъ, П. М. Садовскій, Н. Ф. Павловъ, Н. В. Бергъ, Ю. Н. Баргеновъ, В. И. Живокини, Д. Т. Ленскій, А. О. Вельтманъ, О. И. Гюрданъ, Н. А. Мельгуновъ и другіе— всѣхъ не перечислишь. Обѣды были, какъ всѣ именинные обѣды, шумны и радостны, но особенностей ихъ я разсказать не могу, такъ какъ, мы дѣти, за большимъ столомъ не сидѣли. Послѣ обѣда варили жженку, приносили еще вина, подавали малороссійскія наливки и варенуху,—и гости дѣйствительно веселились на славу. Разговаривали, шутили, смѣялись, пѣли пѣсни, играли въ горѣлки и въ лапту. Актеръ Садовскій, я помню по просьбѣ именинника, разсказалъ послѣ обѣда два-три разсказа о Наполеонѣ Бонапартѣ о капитанѣ Копѣйкинѣ, о хмѣльномъ мужикѣ, у котораго въ ушахъ «муха жуужитъ». Это былъ неподражаемый разсказчикъ, не то, что вашъ И. О. Горбуновъ, который каррикурируетъ мужика однимъ горломъ. У того былъ жестъ, мимика, выраженіе глазъ, vibraція голоса. Все это декорировало разсказъ и увлекало слушателя. Поэтому оживленіе гостей съ каждымъ разсказомъ возрастало болѣе и болѣе и завершалось, наконецъ, всеобщими рукоплесканіями. Читали и другіе, но кто именно—

теперь уже не помню. Читалъ даже, какъ-то разъ и самъ именнинникъ. Читалъ онъ какой-то отрывокъ изъ своихъ сочиненій, но какой именно — сказать вамъ не могу, потому, что тогда я не зналъ еще его сочиненій. Да говоря откровенно, я и интересовался только обстановкой и процедурой чтенія. Помню я, что Николай Васильевичъ читалъ уже вечеромъ, у отца въ кабинетѣ, при свѣчахъ. Видимо онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа и читалъ хотя не особенно громко, но съ одушевленіемъ. Въ кабинетѣ царяла въ это время мертвая тишина. Гости сидѣли и стояли группами вокругъ стола, за которымъ читалъ Гоголь, въ нѣсколько рядовъ. Обаяніе чтенія было настолько сильно, что присутствующіе сидѣли и стояли на мѣстахъ, затаивая въ себѣ дыханіе и боясь пошевелиться, что-бы не проронить изъ него ни одного слова, не упустить ни одного штриха, ни одной интонаціи, отгнѣявшихъ рельефы мастерской бесѣды-чтенія автора—чтеца. Когда послѣдняя фраза была сказана, Николай Васильевичъ быстро окинулъ взоромъ общество, захлопнулъ весело книгу, вскочилъ съ мѣста и выбѣжалъ изъ комнаты. Слушатели кинулись за нимъ толпой и проводили его шумными криками: браво и громкими рукоплесканіями. Провъ Михайловичъ догналъ Гоголя въ саду, обнялъ и расцѣловалъ его, говоря: «да, братъ, это не то, что «муха жужжитъ». Вотъ вамъ одинъ изъ эпизодовъ жизни великаго писателя, имѣющихъ общественное значеніе, но на этомъ сегодня, съ вашего позволенія, я окончу, такъ какъ мнѣ пора домой, да на-первыхъ визитахъ вообще, кажется, и не засиживаются.

Я горячо поблагодарилъ Дмитрія Михайловича за его любезный интересный рассказъ и спросилъ:

— А почему бы вамъ не описать все это подъ видомъ воспоминаній? Я купилъ бы ихъ у васъ для «Жизни». Намъ, если дѣло у насъ сойдется, нужно давать въ газетѣ болѣе интересные матеріалы, чтобы поставить газету на подлежащее ей мѣсто.

— Я уже думалъ объ этомъ, да все вотъ мое нездоровье мѣшаетъ мнѣ приняться за дѣло. Конечно, если поправлюсь, я вамъ кое-что напишу, а если не поправлюсь, то буду рассказывать: пишете ужъ сами.

— Такъ я могу нынѣшнимъ рассказомъ воспользоваться?

— Ну, это, конечно, мелочь, я попрошу васъ принять его отъ меня въ подарокъ. Если же я вздумаю писать «воспоминанія», то у меня матеріалу масса. Есть изъ чего выбрать много хорошаго.

— Благодарю васъ дорогой гость, за вашъ любезный рассказъ, я его напечатаю.

— Очень радъ, что могъ услужить вамъ. А пока до свиданія.

— До свиданія.

На другой день, утромъ часовъ въ 9-ть я заѣхалъ за Елизаветой Ивановной, и мы отправились къ ея замѣстителю по изданію, Ѳедору Никифоровичу Плевако, проживавшему въ то время, по желанію, какъ говорили, властей, за Тверской заставой, на шоссе. Онъ занималъ тамъ небольшой, деревянный, одноэтажный во дворѣ особнячокъ съ мезониномъ, обыкновенной старобарской постройки, на видъ довольно ветхій, но внутри просторный и помѣстительный. Войдя въ пріемное зало, мы были приняты однимъ изъ его помощниковъ, который, узнавъ отъ Елизаветы Ивановны, что мы пріѣхали по приглашенію Ѳедора Никифоровича, тотчасъ же пошелъ доложить ему и онъ чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ намъ. Это былъ видный, сытый мужчина съ полнымъ раздобрылымъ лицомъ, смѣющимися хитрыми глазами и авторитетными манерами. Онъ разсыпался въ любезностяхъ передъ Елизаветой Ивановной, добродушно пожалъ мнѣ руку, перекинулся двумя-тремя обычными ходячими фразами и потащилъ насъ въ гостинную, куда вышла довольно полная, бальзаковского типа дама среднихъ лѣтъ, съ довольно милостивой, но уже помятой фізіономіей купеческой складки, и пригласила насъ къ приготовленному уже ею утреннему кофе. Пока дамы вели свои хозяйственно-дамскіе разговоры, мы съ Ѳедоромъ Никифоровичемъ отошли въ сторону. Я передалъ ему условіе, на основаніи котораго г-жа Погодина изъявила согласіе продать мнѣ право на изданіе газеты «Жизнь». Онъ прочиталъ его со вниманіемъ, и сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противу подобной передачи. Относительно полученія свѣдѣній о числѣ подписчиковъ и вообще о состояніи хозяйственной части изданія онъ просилъ меня обратиться къ секретарю газеты Стрижевскому, которому онъ обѣщалъ тотчасъ же сообщить по телефону. Я обратилъ его вниманіе на то, что мнѣ, согласно условію, нужно будетъ получить подписныя деньги по числу подписчиковъ, со дня прекращенія выпуска нумеровъ газеты, что составитъ порядочную сумму. Онъ отвѣтилъ, что исполнить всѣ свои обязательства по отношенію г. Погодиной, но чтобы ихъ выяснить, ему нужно получить отъ секретаря и конторы редакціи расчетъ, по повѣркѣ котораго онъ дастъ окончательный отвѣтъ, почему и просилъ пріѣхать къ нему

денька чрезъ два. На этомъ мы и порѣшили. Елизавета Ивановна была очень рада, узнавъ, что дѣло идетъ на ладъ, она во время поѣздки выразила было сомнѣніе въ возможности возврата г. Плевако подписныхъ денегъ по расчету теперь же, такъ какъ она слышала, что у него въ настоящее время денегъ совсѣмъ нѣтъ. «Иначе бы онъ не остановилъ газету», завершила она разговоръ въ видѣ доказательства. Я не возражалъ ей тогда, и теперь молча пилъ предложенный мнѣ кофе. Кто такая была дама, хозяйствовавшая у Федора Никифоровича, я не зналъ, потому, что меня ей представили, а ее мнѣ не назвали. Думаю, что это, была та знаменитая купчиха-милліонерша, которая въ послѣдствіи отказала все свое состояніе на дѣло благотворенія, а г. Плевако назначила душеприкащикомъ. Но навѣрное сказать не могу, такъ какъ въ суетѣ забылъ спросить объ этомъ Елизавету Ивановну. Окончивъ кофе, мы распрощались, условившись пріѣхать опять къ Федору Никифоровичу чрезъ день. Евдокія Ивановна поѣхала на извозчикѣ домой, а я по конкѣ въ Охотный рядъ, гдѣ въ гостинницѣ проживалъ тогда секретарь редакціи газеты «Жизнь» Николай Александровичъ Стрижевскій. Онъ ожидалъ уже меня и встрѣтилъ очень любезно.

— Я вчера узналъ, сказалъ онъ мнѣ, отъ Елизаветы Ивановны, что вы желаете пріобрѣсти газету «Жизнь» и приготовилъ свѣдѣніе о подписчикахъ. Неудобно ли взглянуть.

Присѣвъ къ столу, мы дружескіе побесѣдовали. Онъ рассказалъ мнѣ о положеніи дѣлъ редакціи и просилъ меня сохранить за нимъ, хотя на первое время, мѣсто секретаря. Я обнадежилъ его. Что же касается оклада жалованья, который онъ получалъ, то я сказалъ, что объ этомъ мы поговоримъ, когда дѣло окончательно устроится. Подписчиковъ на газету оказалось: годовыхъ 656, полугодовыхъ 149 и занесенныхъ въ полугодовые позднѣйшей подписки на нѣсколько мѣсяцевъ 155, всего 960 персонъ. Общая сумма подписки при 5 рубляхъ годовой и 2 р. 75 к. полугодовой платы, опредѣлялась въ 4113 рублей. Изъ этой суммы причиталось издателю по день пріостановки выпуска номеровъ газеты, по 21 марта за 80 дней, 915 р., остальные же 3198 р., подлежали передачѣ новому владѣльцу газеты, для удовлетворенія подписчиковъ въ 1885 году. Стрижевскій заявилъ, что въ кассѣ денегъ нѣтъ, такъ какъ вся подписная сумма израсходована еще въ началѣ года, и Федоръ Никифоровичъ въ послѣднее время затрачивалъ на газету свои деньги.

— Какъ же быть?—спросилъ я его,—обязанъ ли Плевако возвращать эти деньги, или же они должны быть возвращены Погодиною?

— Сколько мнѣ извѣстно изъ дѣлъ, отвѣчалъ Стрижевскій, Ѳеодоръ Никифоровичъ былъ хозяинъ дѣла, слѣдовательно онъ и долженъ возвратить недостатку подписныхъ денегъ. Но я письменныхъ договоровъ ихъ съ Е. И. Погодиной не знаю.

— Чей залогъ лежитъ въ главномъ управленіи по газетѣ?

— Числится за Погодиной, но чьи именно внесены ею деньги— не знаю.

— Чья обстановка редакціи и конторы, и сколько на это затрачено?

— Обстановка вся г-жи Погодиной, но старая и не важная. Цѣны ей я не знаю, но на мой взглядъ, если принять ее всю въ ста рублѣхъ, то г-жа Погодина въ обидѣ не будетъ.

Отправившись затѣмъ въ большой Московскій трактиръ позавтракать, я встрѣтился тамъ съ Ѳ. Н. Плевако, который, отправляясь въ судъ, на защиту, заѣхалъ въ трактиръ съ своей дамой, «перекусить, какъ онъ самъ выразился, чего-нибудь легонькаго». Онъ подошелъ къ моему столу и сталъ разспрашивать о моихъ предположеніяхъ по изданію газеты. Главнѣйшимъ же образомъ его интересовалъ вопросъ: можетъ ли онъ по прежнему участвовать въ газетѣ такъ же свободно, какъ и прежде. Конечно, мнѣ ничего неоставалось болѣе отвѣтить, какъ только то, что я почту за особую честь имѣть въ газетѣ такого руководителя, какъ Ѳеодоръ Никифоровичъ; но если онъ пожелаетъ получать слишкомъ большой гонораръ, то онъ можетъ поставить меня въ затрудненіе, такъ какъ я вообще большими средствами не обладаю.

— Ну, мы съ вами въ этомъ отношеніи, вѣроятно, сойдемся, разсмѣялся знаменитый московскій юристъ и ораторъ, такъ какъ я не знаю еще, какъ мы съ вами расчитаемся при передачѣ газеты.

Я хотѣлъ было показать ему взятый у Стрижевскаго расчетъ и спросить его: можетъ ли онъ уплатить при передачѣ газеты деньги? Но онъ, какъ будто предугадывая подобный вопросъ, живо поднялся съ дивана, извинился, что онъ торопится въ судъ и, пожавъ мнѣ руку, покровительственно замѣтилъ, что мы, вѣроятно, скоро увидимся. Я напомнилъ ему, что мы общались быть у него черезъ день, и онъ, кивнувъ мнѣ головой въ знакъ согласія, переключалъ къ своей дамѣ.

Въ назначенное время мы съ Елизаветой Ивановной сдѣлали

вторичный визитъ къ г. Плевако. На этотъ разъ пріемъ былъ оказанъ намъ болѣе торжественный и оффиціальныи. Изъ пріемнаго зала провели насъ не въ гостинную, а въ сосѣднюю справа комнату, нѣчто въ родѣ совѣщательнаго кабинета, гдѣ работали помощники Ѳедора Никифоровича. Тамъ мы прождали около получаса, пока, наконецъ, удостоились лицезрѣнія серьезнаго и смотрѣвшаго на этотъ разъ Юпитеромъ юриста. Медленными шагами, какъ-бы усталый отъ занятій и удрученный заботами, подошелъ онъ къ намъ, поздоровался, извинился и, показавъ намъ крѣпко руки, взявъ стоявшій у стѣны стулъ, повернулъ его и, молча, подселъ со стороны Елизаветы Ивановны. Я вынулъ изъ кармана расчетъ о подписныхъ деньгахъ и подалъ ему. Онъ развернулъ его, пробѣжалъ глазами и, возвративъ мнѣ, сказалъ:

— Да, я знаю этотъ расчетъ, онъ составленъ правильно; но, Елизавета Ивановна, обратился онъ къ сосѣдкѣ, я имѣю вамъ кое-что сказать: потрудитесь, пожалуйста, пройди ко мнѣ.

И они вышли въ другую комнату. Минуть черезъ пять Елизавета Ивановна вышла и сообщила мнѣ, что передача газеты можетъ состояться. Сегодня мы можемъ поѣхать къ нотариусу Боборыкину и велѣть ему приготовить къ завтрашнему дню потребныя для того бумаги, а завтра утромъ пріѣдемъ подписать и окончимъ, такъ какъ Ѳедоръ Никифоровичъ общался быть тоже завтра у нотариуса и привезти туда деньги. А сегодня онъ очень занятъ и извиняется, что не можетъ выйти попрощаться.

— Что же! отлично! отозвался я на это; если вамъ угодно, то мы можемъ прямо отсюда поѣхать къ нотариусу.

И мы отправились. Послѣ полудня былъ составленъ у нотариуса Боборыкина черновой договоръ о передачѣ мнѣ г-жою Погодиной права на изданіе газеты «Жизнь» на вышеприведенныхъ условіяхъ, въ 3 часа мы его подписали и просили приготовить бѣловой на завтра къ 11-ти или 12-ти часамъ утра. Затѣмъ, чтобы переговорить о деталяхъ передачи, конторскаго имущества, найма помѣщенія для редакціи и конторы газеты, долговъ и др. Елизавета Ивановна пригласила меня отобѣдать у ней запросто. Я съ удовольствіемъ принялъ ея приглашеніе и общался пріѣхать, если это не стѣснить гостепріимныхъ хозяевъ, къ 5 часамъ.

— Нѣтъ, мы обѣдаемъ раньше, отозвалась Елизавета Ивановна, мой мужъ не можетъ такъ долго голодать: онъ человѣкъ больной. Поѣдѣте прямо отсюда.

Отказываться было не ловко, и мы отправились. Дмитрій Михайловичъ ожидалъ насъ съ большимъ нетерпѣніемъ и, конечно, былъ очень радъ, узнавъ, что дѣло кончено и подписано.

— Ну, вотъ, ну, вотъ,—онъ радовался съ наивностью малаго ребенка,—мы, наконецъ, хоть будемъ жить покойнѣе; а то, вѣрите ли, съ ногъ сбились, ни толку, ни порядку, ни денегъ! Это не газета была у насъ, а какая-то язва!.. Жилы всѣ вытянула, измучила совѣсть: нынче непріятность, завтра непріятность—просто хоть ложись да умирай!

— Ну, что ты обезкураживаешь Петра Косьмича! взметнулась на мужа Елизавета Ивановна:—вѣдь дѣло еще не кончено совѣсть, онъ можетъ раздумать и отказаться. Пойдемте лучше за столъ.

— Я не откажусь отъ газеты, отвѣчалъ я, пдя къ столу, потому что къ работѣ и непріятностямъ привыкъ. Но какъ это Дмитрій Михайловичъ собирается жить покойнѣе: вѣдь онъ остается у меня редакторомъ?

— Ну, какой я буду у васъ редакторъ, шутилъ развеселившійся хозяинъ, усаживаясь за столъ—вы берете меня только для блезиру. Вся моя работа будетъ заключаться въ одномъ—получать отъ васъ жалованье, да развѣ еще наградныя.

Обѣдъ былъ самый простой. Подали сперва супъ, потомъ кусокъ жаренаго мяса, а для десерта Елизавета Ивановна вынула изъ шкафа три апельсина. Послѣ обѣда усѣлись за кофе. Хозяйка пыталась было завести рѣчь о хозяйственныхъ расчетахъ по редакціи, но я попросилъ ее отложить этотъ разговоръ до завтра, когда дѣло окончательно будетъ устроено. Мнѣ хотѣлось извлечь что-нибудь изъ запаса памяти Дмитрія Михайловича, и я попросилъ его рассказать мнѣ что-нибудь изъ его дѣтскихъ воспоминаній о жизни въ «дѣвичьихъ палестинахъ».

— Да что-же я вамъ расскажу? погрузился въ раздумье хозяинъ,—знакомство у насъ было такое обширное, что я, право, не знаю даже, чтобы рассказать вамъ поинтереснѣе?

— Все равно, что прійдетъ въ голову, то и расскажите; ну, хоть о комъ-нибудь изъ славянофиловъ?

— Сознаюсь откровенно, отозвался съ улыбкой Дмитрій Михайловичъ, для меня было бы гораздо пріятнѣе, если бы мы пошли теперь немножко пройтись: погода такая великолепная, а утро я все просидѣлъ дома. Пойдемте-ка!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

И, поблагодаривъ хозяйку за любезный пріемъ и угощенье, я сказалъ ей, что завтра въ 11 ч. утра я заѣду, чтобы отправиться къ нотаріусу. Затѣмъ мы съ хозяиномъ одѣлись и вышли изъ дому.

— Куда же пойдѣмъ? спросилъ я Дмитрія Михайловича, выйдя на улицу.

— Да пойдѣте въ Александровскій садъ. (Погодины въ то время жили на набережной близъ Каменнаго моста).

— Пойдѣмте!

— Вотъ вы заинтересовались славянофилами—началь дорогою разговоръ почтенный мой сотоварищъ,—а знаете ли что, славянофилы—солъ русской земли, могучіе богатыри всей великой нашей отчизны, о нихъ нельзя разсказывать анекдоты, о нихъ можно дать эпическій разсказъ, героическую повѣсть, дивное сказаніе. Это—были люди не отъ міра сего, апостолы великихъ идей, благовѣствовавшіе ненонимавшимъ ихъ язычникамъ, гонимые ими и кончавшіе жизнь, преслѣдуемые злымъ рокомъ до конца. Знаете-ли вы, что Константинъ Аксаковъ, любимшій болѣе всего на свѣтѣ Россію, умеръ на чужой сторонѣ (на островѣ Занте, куда его послали врачи); что онъ, боготворившій свой родной русскій языкъ, умирая долженъ былъ несповѣдываться и читать запричастныя и предсмертныя молитвы на французскомъ языкѣ (неповѣдывавшій его священникъ-грекъ никакого иностраннаго языка, кромѣ французскаго не зналъ). Ю. О. Самаринъ умеръ среди нѣмцевъ, съ которыми онъ всю жизнь воевалъ. Можетъ ли что-нибудь быть убійственнѣе этого для людей, посвятившихъ всю жизнь на служеніе дорогой своей родинѣ? Нѣтъ, я не могу, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, говорить о славянофилахъ. Отецъ мой былъ, какъ вы знаете, славянофилъ до мозга костей и онъ завѣщалъ мнѣ не призывать все и не профанировать славянской идеи.

Въ это время мы проходили нижнимъ Кремлевскимъ садомъ, я предложилъ Дмитрію Михайловичу присѣсть на скамейку.

— Нѣтъ, пойдѣте дальше, въ большомъ саду, я покажу вамъ скамейку, гдѣ покойный отецъ мой плакалъ.

Пришли въ большой садъ и близъ выхода изъ сада на Ипкитскую, откуда видѣнъ фасъ университетскихъ зданій, съ правой стороны дорожки онъ указалъ мнѣ на погодинскую скамейку.

— Вотъ здѣсь, — проговорилъ онъ съ чувствомъ, на сей скамѣ, отецъ мой часто сиживалъ и не разъ плакалъ, обращая взоры къ университетской церкви, когда ему приходилось бѣд-

ствовать, будучи студентомъ, и страдать, сдѣлавшись профессоромъ и ученымъ, плакалъ онъ здѣсь и со мною, когда потерялъ мою мать... И знаете ли, я самъ плакалъ здѣсь, когда подавляла меня болѣзнь и немощь бесплѣя, когда сердце рвалось на части вслѣдствие сознанія тщетности борьбы... Впрочемъ, это очень грустный мотивъ для бесѣды: пойдемте, пройдемтесь.

— Не лучше ли зайти въ «Компанейскую» попить чайку «подъ машиной?»

— Пожалуй, только сперва пройдемтесь немножко.

И мы прошлись два раза по большой аллеѣ, Дмитрій Михайловичъ молчалъ, явно его томила какая-то грустная дума, а я не хотѣлъ прерывать ее. Впрочемъ, прекрасная погода и свѣжесть вѣшняго вечера скоро повліяли на расположеніе духа моего сотоварища, и онъ, разсмѣявшись, сказалъ весело:

— Ну, чтожъ, теперь можно, пожалуй, пойти и «подъ машину».

Но попасть «подъ машину» намъ не удалось: въ «Компанейской» какъ на грѣхъ, всѣ столы въ большомъ залѣ были заняты. По неволѣ пришлось ограничиться мѣстомъ въ отдаленной угловой комнатѣ и заняться разговорами.

— Не можете ли вы, Дмитрій Михайловичъ, сказать мнѣ, спросилъ я моего собесѣдника, разливая поданный съ московскими принадлежностями чай, что подвигнуло Н. В. Гоголя такъ рѣзко перемѣнить направленіе мыслей, въ послѣдній періодъ его дѣятельности, и сдѣлаться мистикомъ и проповѣдникомъ клерикализма?

— Признаться, я никогда не интересовался подобнымъ изслѣдованіемъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Дмитрій Михайловичъ, но думаю, что вліяло на него всего болѣе духовенство. Не смотря на то, что Николай Васильевичъ жилъ у насъ совершенно изолированно, и, какъ я уже говорилъ вамъ, гостей у себя никогда не принималъ, духовенству доступъ къ нему былъ всегда открытъ. Помню, подъ конецъ его послѣдняго пребыванія у насъ въ домѣ, нѣсколько священниковъ посѣщало его и онъ любилъ бесѣдовать съ ними по долгу. У него бывали: нашъ мѣстный приходскій священникъ, добродушный и весьма религіозный отецъ Іоаннъ, знаменитый проповѣдникъ изъ Твери отецъ Матвѣй, о которомъ Гоголь отзывался съ большимъ уваженіемъ, какой-то соборный изъ Кремля сакелларій, имени его не помню, ходили два монаха изъ Чудова монастыря и какой-то странникъ - грекъ съ Афона. Отецъ косился на это

и даже выговаривалъ не разъ Гоголю, но мать моя покровительствовала его пріемамъ духовенства, и поэтому отцы духовные старались попадать къ нашему отшельнику въ такіе часы дня, когда отецъ былъ въ отсутствіи. И Николай Васильевичъ посмѣивался потомъ надъ отцомъ и поддразнивалъ его:

— А у меня опять попы были, о твоёмъ здоровьи освѣдомлялись, просили кланяться. Жалуются, что ты мало жертвуешь имъ...

— Ну, ужъ ты оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ, перебивалъ его отецъ и углублялся въ свои лѣтописи.

— Исторія для тебя, конечно, важнѣе религій, продолжалъ пилить его Гоголь, ходя изъ угла въ уголъ по кабинету.

Но отецъ, по обыкновенію, молчалъ, и только перо его усиленнѣй начинало скрипѣть по бумагѣ. Больше объ этомъ я вамъ сказать ничего не могу, что бы не наврать по пустому. Впрочемъ, припомнился мнѣ отвѣтъ Гоголя извѣстной поэтессѣ, графинѣ Ростопчиной, которая, будучи у насъ на вечерѣ, когда А. Н. Островскій читалъ въ первый разъ свою комедію «Банкрутъ», (переименованную впоследствии въ «Свои люди—сочтемся»), по окончаніи чтенія, подошла къ Николаю Васильевичу и спросила его: «отчего онъ сдѣлался такимъ отшельникомъ-бирокомъ и не бываетъ у ней?»

— Зачѣмъ? процѣдилъ сквозь зубы сконфуженный авторъ «Мертвыхъ душъ»,—я не понимаю васъ, вы не понимаете меня; я чуждъ циклу вашихъ идей, вы—моему»... Это были слова «бирюка-отшельника», но проповѣдникъ еще формировался.

Бесѣда сдѣлалась оживленнѣе. Я попросилъ Дмитрія Михайловича рассказать мнѣ что-нибудь объ этомъ вечерѣ.

— Вечеръ—какъ вечеръ, самый обыкновенный, у насъ не разъ бывали такіе вечера, началъ онъ рѣчь свою, прихлѣбывая глотками изъ стакана чай съ московскими принадлежностями; но онъ былъ чреватъ послѣдствіями: Островскій, послѣ чтенія, получилъ громадную извѣстность; піесѣ, запрещенной цензурой, исхлопотали разрѣшеніе, а поэтесса графиня Ростопчина, жившая до того времени обыкновенной великосвѣтской жизнью, начала устраивать у себя въ домѣ литературныя чтенія и музыкальные вечера. Въ сущности, вечеръ этотъ, дѣйствительно, вышелъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ, какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по составу собравшагося на немъ общества. Тутъ было все, что считалось тогда солью литературныхъ и артистическихъ московскихъ кружковъ: старые славянофилы, молодая редакція «Москвитянина», независимые и

безпринципные, или, какъ называли ихъ тогда: «цыганы». Приманкою служила неразрѣшенная цензурою къ печати комедія Островскаго «Банкрутъ». Александръ Николаевичъ, только что начавшій тогда свою писательскую миссію, написалъ новую піесу, въ которой мастерскими штрихами очертилъ неизвѣстный еще въ то время массѣ публики, купеческій бытъ и его своеобразные взгляды, нравы и дѣятельность. Цензура наложила на нее свое veto и въ обществѣ заговорили объ ней. Мой отецъ, какъ извѣстно, всегда старавшійся подать руку помощи заявившему себя чѣмъ-нибудь таланту, сочувственно отнесся къ затруднительному положенію молодого автора и устроилъ вечеръ для прочтенія подвергшейся запрещенію комедіи, на который и была приглашена вся бывавшая у него интеллигенція Москвы. Это было, если не ошибаюсь, въ 1849 году, на масляной недѣлѣ. Чтобы затуманить истинный поводъ приглашенія, устроены были блины, чтеніе же устроилось какъ бы случайно, послѣ масляничной трапезы. Чтеніе происходило у отца въ кабинетѣ. Въ углу, подъ окнами, за столомъ, читали: мужскія роли—актеръ Садовскій, а женскія—самъ авторъ. Нужно ли говорить, что это было за чтеніе, вы, безъ сомнѣнія, обоимъ чтецовъ слышали. Всѣ акты были прослушаны собравшимся обществомъ съ полнымъ вниманіемъ; казалось, что это были не слушатели, а мертвецы. Когда же чтеніе окончилось, раздались аплодисменты, и хаосъ восторга смѣнилъ царствовавшее дотолѣ безмолвіе. Всѣ поздравляли и жали руки краснѣвшаго и потуплявшаго глаза въ землю автора. На что Гоголь, и тотъ призналъ въ молодомъ писателѣ талантъ и не маленькій, а графиня Ростопчина пригласила Александра Николаевича прочитать еще разъ эту піесу у ней въ домѣ, для чего и назначила особый вечеръ. На этомъ не позволите ли мнѣ остановиться, тѣмъ болѣе, что чай нами оконченъ и мнѣ пора возвратиться домой.

Удерживать долѣе обязательнаго рассказчика я не хотѣлъ, и мы распрощались.

На другой день мы съ мадамъ Погодиной ѣздили къ нотаріусу; бумаги были готовы, но Федоръ Никифоровичъ не пріѣхалъ. На вопросъ по телефону, будетъ ли онъ, получился отвѣтъ, что, вмѣсто него, пріѣдетъ Стрижевскій, котораго онъ уже отправилъ. Въ ожиданіи его прибытія мы съ Елизаветой Ивановной отправились въ сосѣдную гостиницу выпить по чашкѣ кофе. Издательница «Жизни» задумалась и начала выражать сомнѣнія на благопріятный

исходъ нашего дѣла, и, дѣйствительно, пріѣхавшій вскорѣ Стрижевскій передалъ г-жѣ Погодиной просьбу Плевако отложить подпись бумагъ до завтрашняго дня, такъ какъ онъ сегодня очень занятъ и пріѣхать къ нотариусу не можетъ. Дѣлать нечего, скрѣпя сердце мы возвратились къ нотариусу и заявили ему объ этомъ. Затѣмъ попрощались и разошлись до слѣдующаго утра. Но и слѣдующее утро не принесло намъ ничего хорошаго. Елизаветы Ивановны дома я уже не засталъ, а нотариусъ Боборыкинъ, къ которому я отъ нея поѣхалъ, сообщилъ мнѣ, что Федоръ Никифоровичъ внезапно вызванъ по дѣламъ въ Екатеринославъ и сегодня въ ночь выѣхалъ. Вернется же не ранѣе двухъ недѣль. Дѣло, значитъ, затянулось, волей-неволей пришлось сѣсть у моря и ждать погоды. Что тутъ дѣлать? Буду выпыхать къ Елизаветѣ Ивановнѣ—и вдругъ узнаю отъ нея, что дѣло о продажѣ газеты придется отложить, такъ какъ ей, предварительно продажи ея, нужно еще получить на то разрѣшеніе со стороны цензуры.

— Кто вамъ сказалъ?

— Мнѣ сказали...

— Да кто-же, кто?

— Сказали... не все-ли это равно—кто? Такъ нужно, говорятъ...

— На сколько мнѣ извѣстно по цензурному уставу, переходъ изданій изъ однихъ рукъ въ другія свободенъ, о немъ только доводится до свѣдѣнія главнаго управленія, которое и объявляетъ объ этомъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

— Я вѣдь этого ничего не знаю... но мнѣ говорятъ...

— Въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ дѣлать представленіе о разрѣшеніи на передачу, нужно справиться: правду ли вамъ сказали?

— Я тоже думаю. Но гдѣ же справиться?

— Въ цензурномъ комитетѣ. Вамъ тамъ скажутъ положительно.

— Ну, хорошо, я поѣду завтра и узнаю.

Дня чрезъ два ко мнѣ зашелъ Дмитрій Михайловичъ.

— Жаль мнѣ васъ, сказалъ онъ мнѣ, дружески пожимая руку, дѣло ваше не выгорить.

— Отчего?

— Во-первыхъ, затрудненія со стороны Федора Никифоровича, онъ возлагаетъ обязанность расчитаться съ вами въ подписныхъ деньгахъ на насъ; а во-вторыхъ, у насъ есть болѣе выгодное,

чѣмъ ваше предложеніе. Впрочемъ, все это я вамъ сообщаю конфиденціально для свѣдѣнія, потому что говорить открыто не уполномоченъ. Но вы зайдите какъ-нибудь къ женѣ, и она вамъ объяснить все досконально.

— Какое же предложеніе и отъ кого? Конечно, это не секретъ?

— Я не знаю, скажетъ ли вамъ жена, но я не вижу въ этомъ секрета. Признаюсь вамъ откровенно, что для меня было бы гораздо пріятнѣй, если бы вы приобрѣли газету «Жизнь»; но вы знаете, изданіе не мое, а съ женой мнѣ спорить не приходится. Дѣло въ томъ, что одинъ господинъ, кто онъ—это все равно, купилъ нашу типографію, и теперь проситъ отдать ему газету. На первыхъ порахъ онъ хочетъ взять ее въ аренду, а потомъ, когда дѣло пойдетъ, онъ купитъ ее и заплатитъ, конечно, много дороже вашего.

— А если не пойдетъ дѣло?... Тогда вы и того не получите, что я даю вамъ.

— Ну, это—дѣло не мое. Переговорите съ женою, какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ.

Изъ сказаннаго я понялъ, что дѣло мое проиграно: лицо, купившее типографію, имѣетъ большее, нежели я, значеніе въ главахъ г-жи Погодиной, и потому, обѣщавъ Дмитрію Михайловичу завтра же повидаться съ Елизаветой Ивановной, удержалъ его пить чай съ московскими принадлежностями.

— А ну-ка, дорогой гость, обратился я къ Дмитрію Михайловичу, когда кипящій самоваръ съ приборомъ появился на столѣ, расскажите мнѣ въ утѣшеніе что-нибудь изъ вашихъ воспоминаній.

— Пожалуй—отвѣчалъ мнѣ съ любезной предупредительностью гость. Въ прошлый разъ мы остановились на вечерѣ графини Ростопчиной. Я вамъ расскажу кое-что объ этой барынѣ. Первый разъ я былъ у нея, на вечерѣ съ отцомъ, а потомъ ходилъ уже одинъ, не смотря на то, что считался еще «мальчикомъ»... Биографію этой дамы вы, навѣрно, знаете, а потому повторять ее я не стану, опишу только ея внѣшность, какою она была въ мое время, т. е. когда я ее узналъ. Не смотря на свои 35 лѣтъ отъ роду, графиня Евдокія Петровна казалась еще вполне красивой и соблазнительной женщиной. Средняго роста, стройная, подвижная, какъ ртуть, здоровая, бѣлая и румяная, съ большими навывкатъ, черными, заглядывавшими прямо въ душу, глазами, сочными, кра-

сивыми губами и хорошо развитым бюстомъ, она могла еще привлекать и чаровать людей всевозможныхъ племенъ, нарѣчій, состояній. «Въ первой молодости своей», она была извѣстна въ свѣтѣ только какъ графиня, супруга сына знаменитаго Московскаго главнокомандующаго, но не какъ поэтесса; конечно, всѣ знали, что она пишетъ стихи, но не особенно высоко цѣнили ихъ, особенно въ Москвѣ. Но когда она написала, находясь за границей, символическую балладу «Насильственный бракъ» и когда ее, рабу Божию, по напечатаніи баллады въ «Сѣверной Пчелѣ», вызвали въ Петербургъ, сдѣлали ей надлежащее въ III-мъ отдѣленіи внушеніе и водворили на жительство въ Москвѣ,—слава ея пронеслась по всей матушкѣ Россіи, и графиня Евдокія Петровна стала знаменитостью. Тогда ее у насъ—я говорю о Москвѣ—не только стали читать, но и почитать. Въ салонѣ ея появилась не только знать и литераторы, но и артисты, художники, путешественники и всѣ заѣзжіе изъ за моря знаменитости, начиная отъ піанистовъ и балеринъ до престижидаторовъ включительно. Вотъ въ это-то время и я бывалъ у ней. Хорошая она была барыня, только съ артистами ладить не умѣла, выкидывали они у ней разные штуки. Напримѣръ, хотя бы Сѣверцевъ, этотъ косматый, нечесаный, грубый и глупый, всѣсвѣтный путешественникъ, какую штуку съ ней сыгралъ (разсказъ о его выходкѣ я слышалъ отъ него самого). Онъ часто посѣщалъ въ числѣ прочихъ вечера графини. Пріѣхавъ однажды чуть ли не послѣ ужина, онъ началъ извиняться, что опоздалъ. Графиня имѣла неосторожность отвѣтить: «ну, что же, я люблю, кто поздно ко мнѣ пріѣзжаетъ». Черезъ нѣсколько времени, Сѣверцевъ пріѣзжаетъ къ ней въ домъ часа въ четыре ночи. Всѣ спали. Онъ велитъ разбудить графиню, и когда она, полуодѣтая, съ просонья, выбѣжала къ нему въ испугѣ и стала его спрашивать: «что съ нимъ случилось?» онъ хладнокровно отвѣтилъ.

— Ничего, графиня, успокойтесь. Я пріѣхалъ потому, что вы намереніи сказали, что любите тѣхъ, которые поздно пріѣзжаютъ.

Какъ вамъ нравится подобная шутка? Затѣмъ извѣстный Бартеневъ, Юрій Никитичъ, тотъ такъ даже дерзости позволялъ себѣ говорить ей въ глаза. Получивъ однажды приглашеніе отъ нея пріѣхать къ ней запросто, онъ грубо отвѣтилъ ей:

— А ты бы, графиня, сперва псовъ-то своихъ привязала на цѣпъ.

— Какихъ псовъ? допытывалась недогадливая графиня.

— Сама знаешь какихъ... четвероногіе-то псы не очень у тебя зубасты, да, какъ псы, и умны къ тому же.

Что вы скажете о подобной любезности?

— А вечеръ съ Островскимъ удался у ней? спросилъ я Дмитрія Михайловича.

— Да это было почти буквальное повтореніе нашего вечера, только въ болѣе роскошной обстановкѣ. Впрочемъ, разница была еще въ томъ, что у насъ были блины, а у ней—ужинъ, и что кромѣ чтенія Островскаго, она сама прочла нѣсколько главъ своей излюбленной «Нелюдимки».

— А Гоголь былъ у ней на этомъ вечерѣ?

— Нѣтъ, не былъ. Не были также и Шевыревъ, Аксаковы, Павловъ, Щепкинъ и нѣкоторые другіе, слышавшіе піесу у насъ на вечерѣ.

Самоваръ между тѣмъ потухъ. Его подогрѣли и на столѣ появилась новая порція чаю со всѣми онерами.

— Не много ли будетъ? замѣтилъ робко Дмитрій Михайловичъ, искоса поглядывая на свой дымившійся паромъ стаканъ.

— Да вѣдь мы почти ничего не пили, отвѣтилъ я, разсыропивъ слишкомъ сладкій чай водой, самоваръ перемѣнили потому, что онъ простылъ.

— А приборъ почему перемѣнили?

— Потому что первый сдѣлался негоднымъ.

— Какой вы—софистъ, право! размѣлся Дмитрій Михайловичъ, прихлебывая горячій чай—а все таки я долженъ вамъ сказать, что такихъ барынь, какъ эксцентричная графиня Евдокія Петровна, въ настоящее время уже нѣтъ, хотя всевозможныхъ чудачекъ и нынѣ очень много. Это была наша madame de Севинье, или madame de Рекамье; ея салонъ посѣщали: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Крыловъ, Жуковский, графъ Соллогубъ, Тургеневъ, Гоголь, Аполлонъ Григорьевъ, Мей, Филипповъ, Эдельсонъ, Островскій, Писемскій, Тургеневъ, Майковъ, Бергъ, Григоровичъ, Павловъ, артисты: Садовскій, Щепкинъ и Самаринъ, художники: Брюлловъ, Рамазановъ, баронъ Клодтъ, композиторы: Глинка, Верстовскій и Варламовъ. Изъ иностранцевъ—Рашель, Марію, Віардо-Гарсія, Листъ, Контскій, Шульгофъ, Фанни Эльслеръ. Она была богата, жила великолѣпно со всѣми барскими причудами. У ней читали, пѣли, играли, козировали и даже говорили простымъ «россійскимъ» языкомъ. Къ ней пріѣзжали—людей посмотреть, себя

показать. Для каждого, входившаго въ ея гостинную, даже для такихъ зеленыхъ юношей, какимъ былъ я въ то время, у ней находилось: ласковое слово, привѣтъ, дружеская улыбка, пожатіе руки, и каждому у ней было тепло, весело, пріятно, и, главное—сытно. Людей именитыхъ она цѣнила по достоинству и выделяла ихъ изъ толпы со свойственнымъ ей умѣньемъ: такъ напримѣръ на мѣсто, гдѣ у нея сидѣла Рашель, она не позволяла никому садиться, любезно говоря: «тутъ сидѣть нельзя: тутъ вчера сидѣло божество». У кого теперь изъ московскихъ вельможъ или богатыхъ тузовъ—помѣщиковъ можете вы встрѣтить подобный пріемъ интеллигенціи?... Ни у кого... А почему?... А потому, что графиня, не смотря на всѣ ея эксцентричности, была сама интеллигентна. Я не вижу нынче подобныхъ ей аристократокъ. Укажите мнѣ если можете, на кого-нибудь изъ современныхъ интеллигентныхъ дамъ въ высшемъ обществѣ. Уже не цыганка-ль княгиня Г., или не пѣвица-ль княгиня Ц.? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Теперь интеллигенцію высшего общества смѣнилъ посконный затасканный мѣшокъ съ золотомъ; онъ допускаетъ къ себѣ науку, литературу и искусства, но только на козлы или на запятки, а рядомъ съ собою въ экипажъ не сажаетъ. Какъ же, выходить, теперь не пожалѣть, что типъ интеллигентной русской барыни, какою была въ свое время графиня Евдокія Петровна, у насъ совершенно выродился!... Мнѣ, по крайней мѣрѣ, сознаюсь, очень жалко... Я нѣсколько лѣтъ до поглощенія меня университетомъ, пользовался ея широкимъ гостепріимствомъ, и въ ея пріятномъ кружкѣ приобрѣлъ много друзей. Впрочемъ, все это—«дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой». А мнѣ не пора ли и на покой? Больному человѣку не слѣдуетъ долго засиживаться въ гостяхъ. Прощайте, милый человѣкъ!

— Зачѣмъ прощайте? до свиданія.

— Ну, до свиданія, такъ до свиданія. Когда же увидимся?

— Я завтра буду у васъ утромъ.

— Прекрасно. Только женѣ пожалуйста не говорите, что я сегодня у васъ чаепитничалъ.

На этомъ словѣ мы попрощались и мнѣ болѣе не пришлось видѣть Дмитрія Михайловича. Свиданіе съ Елизаветой Ивановной состоялось на другой день. Она заявила мнѣ откровенно, что продать газету она согласится только подъ условіемъ, если я откажусь отъ требованія раздѣла подписныхъ денегъ, т. е. предоставлю ей

воспользоваться ими, а удовлетвореніе подписчиковъ приму на себя.

— Но на такихъ условіяхъ, возразилъ я сребролюбивой издательницѣ, вы не найдете серьезнаго покупателя.

— Да мнѣ пожалуй и не нуженъ онъ, улыбнулась Елизавета Ивановна, я, признаться, передумала даже продавать газету. Къ чему? Я получу отъ Ѳедора Никифоровича деньги, и могу сама повести ее, или же при посредствѣ лица, купившаго у меня типографію.

— Но гдѣ же и въ чемъ именно у васъ гарантія успѣха? Если вы не хотите продать газеты, то—отдайте ее мнѣ въ аренду на 12 лѣтъ. И я развилъ передъ ней выгоды такого дѣла въ сравненіи съ сотовариществомъ невѣдомаго покупателя типографіи, который можетъ окончательно загубить «Жизнь».

— Все это хорошо, конечно, отвѣчала Елизавета Ивановна, какъ бы сконфуженно, и я вамъ готова вѣрить, но знаете ли, что я уже рѣшила и дала слово В. Н. Бестужеву, купившему у меня типографію, издавать газету при его посредствѣ.

— Вы и мнѣ давали слово: это—еще не причина.

— Но я нахожу его предложеніе болѣе выгоднымъ.

— Подумайте, впрочемъ, я еще останусь въ Москвѣ съ недѣлю. Если что надумаете, сообщите мнѣ въ гостинницу: я тотчасъ явлюсь. А пока позвольте пожелать вамъ всего лучшаго.

— Да, я подумаю, отвѣчала мнѣ съ тяжелымъ, вздохомъ, Елизавета Ивановна.

И мы разстались.

Но призыва я напрасно ждалъ, его не послѣдовало, и чрезъ недѣлю я вернулся въ Петербургъ. Такимъ образомъ покушеніе мое на «Жизнь» мнѣ не удалось. Но и бѣдная «Жизнь» не воскресла.

Новая редакція вела ее отвратительно, не имѣя не малѣйшаго понятія о своемъ дѣлѣ. Она напечатала даже повѣсть А. С. Пушкина «Пиковая дама» за произведеніе какого-то новаго автора, съ его плагиатной подписью имени, котораго я впрочемъ, не помню. При такихъ порядкахъ, газета влчила все лѣто жалкое существованіе и, наконецъ, въ октябрѣ того же года безвременно почилла. Узнавъ объ этомъ, я отъ души пожалѣлъ и несчастную издатель-

ницу, и несчастную газету, имѣвшую всѣ шансы на долгое и полезное существованіе, если бы судьба послала ей разумныхъ руководителей. Вотъ эпитафія, которою я почтилъ память последней.

Эпитафія газетѣ «Жизнь».

Угасла «Жизнь», жизнь юная, на вѣкъ...
Бутоны тепличный, жаждавшій разцвѣта,
Тебя сгубилъ жестокой человѣкъ,
Лишивъ тепла, заботъ любви и свѣта...

Ноябрь 1885 года.

